Дом который никогда не станем прежним

Поздним вечером, когда Диппер спускается по прорезиненным ступеням шипящего и ворчащего автобуса сразу после того, как он прибыл на 2103 Сан-Пабло-авеню в Окленде, штат Калифорния, это похоже на первый шаг на луну.

Воздух почему-то другой, и не только выхлоп делает его густым. Он не может точно определить это количественно. Воздух менее наполнен. В нем нет его сути. Машины едут по соседней улице; за ними дома возвышаются на пять, шесть этажей. Люди собираются рядом с автобусной остановкой, ожидая, когда все уйдут. Пригород протянулся вокруг него со всей своей однородностью, уличными фонарями, мощеными дорогами и даже линиями связи. Сквозь сетчатый забор он видит сосны через дорогу. Они кажутся ему не впечатляющими, организованными. Фальшивыми.

Он думает: «Это не по настоящему»

Мэйбл неуверенно выскакивает за ним, крепко сжимая Пухлю в руках. Свинья привлекает внимание прохожих. Пухля смотрит в ответ.

Потом появляются их родители, и все эти объятия и «Я скучал по тебе» и «Мэйбл, Стэн звонил по поводу свиньи, но нам все еще нужно поговорить об этом». Шесть часов назад Диппер прощался. Теперь он здоровается, но та его часть, которая позволяет ему не расклеиться, была изогнута, деформирована и разорвана пополам от чрезмерного использования. Он обнимает мать за талию, кладет лицо ей на плечо и чувствует, что ему четыре года. Мэйбл заливает грудь отца слезами. Он смутно осознает озабоченность, которой обмениваются его родители. Для них прошло всего три месяца. Просто отпуск (возможно, с кочкой на дороге, когда у Стэна были проблемы с деньгами). Ничего страшного.

Они забираются в машину и отправляются в короткую поездку домой. Мэйбл прижимает к себе Пухлю и снова засыпает, прижавшись щекой к окну. Их родители забеспокоились еще больше, несомненно, ожидая от сестры потока болтовни. Мэйбл легко спит в поездках, но всегда оживает по прибытии. Они не понимают, что она оставила и чего ей это стоило. Утомленное молчание Диппера привлекает гораздо меньше внимания. Он может прятаться за ожиданиями.

Калифорния находится прямо за окном, и для места, которое было в центре внимания стольких средств массовой информации, оно выглядит совершенно ничем не примечательным. Вскоре они оказываются в Пьемонте и на своей подъездной дорожке перед своим двухэтажным домом, который более или менее похож на все другие двухэтажные дома на улице, и там нет ни одного люка, причудливой достопримечательности или секретной комнаты которую можно найти внутри. Когда Диппер входит внутрь, его поражает запах чистого ковра и кондиционера; после трех месяцев в Хижине, это пахнет гостиницей. Он бросает сумку и чемодан Мэйбл в прихожей и чувствует себя так, словно только что сбросил кожу.

«Рад вернуться домой?» - спрашивает его мать, положив одну теплую ладонь ему на плечо.

Он не знает, как сказать ей, что до дома шесть часов, а все старое теперь чужое. «Да, я просто

устал», - говорит он.

«Это была долгая поездка», - сочувственно соглашается она. «Тебе лучше лечь спать пораньше, хорошо? Ты и Мэйбл сможешь рассказать нам об этом завтра».

Она улыбается ему сверху вниз, счастливая видеть сына в их аккуратном загородном доме с белыми стенами, тремя кроватями и двумя ваннами. И сердце Диппера сжимается от такого ужаса, что он чуть не падает на колени, когда он думает о том, как близко она подошла к уничтожению.

Она должно быть видит это в его глазах, и бледнеет. «Диппер?»

Он заталкивает это чувство настолько глубоко в живот, насколько получается, и растягивает рот в улыбке. "О чём тут рассказывать?" - говорит он с неловким смехом, ломким голосом. «Просто… помогали в Таинственной Хижине, обдирали деревенщин!» Когда глаза его матери расширяются, он торопливо поправляется. «Продавали сувениры туристам. Мы узнали много нового о бизнесе и ... финансовых вещах.

Его мать вздыхает. «Я просто надеюсь, что Стэн не оказал сплошь ужасное влияние».

Стэн был готов потерять все, что у него было и что когда-либо будет, чтобы спасти свою семью. Диппер не знает, какой образец для подражания был бы лучше этого. «Нет, дядюшка Стэн был классным. Нам было весело», - вместо этого говорит он.

«Вот что меня беспокоит,»- насмешливо говорит она. «Хорошо, тебе пора спать. Ты должен встать завтра в подходящее время, нам нужно сделать покупки к школе».

Диппер предпочитает не думать об этом, пока нет. Он пробирается наверх и останавливается в ванной, чтобы почистить зубы. Взяв зубную щетку, он тянется к неправильной стороне раковины и автоматически наклоняется немного влево, чтобы учесть кривую половицу, которой нет. В кафельной комнате пахнет полотенцами, ковриками и универсальным чистящим средством. Нос Диппера до сих пор помнит ожог серой, кровью и кипятком.

Он смотрит в собственное отражение и замирает, прижав зубную щетку к деснам. У него непоколебимое ощущение, что он смотрит в окно, а не в зеркало, и другой Диппер (Тайрон?) смотрит на него в ответ, пойманный в тот же момент. В течение долгой, дрожащей секунды он боялся двинуться с места, потому что отражение могло двигаться иначе. И что тогда это будет значить?

Конечно, этого не происходит. Он почти в четырехстах милях от того места, где могло произойти нечто подобное. Он сплёвывает в раковину и смывает мяту со рта. Внизу он слышит, как Мэйбл объясняет, что Пухля - комнатная свинья. Он останавливается в коридоре, чтобы прислушаться, ровно настолько, чтобы определить, придется ли ему вмешиваться. Их родители привыкли иметь дело с постоянно меняющимися прихотями Мэйбл и часто их отвергают, и иногда Диппер может придать ей вес рационального аргумента. Это их первая ночь, и свинья все еще удивляет, поэтому Мэйбл побеждает без его помощи; спор заканчивается суровым заявлением о том, что, если Пухля будет заниматься своими делами в доме, она будет за ней убирать (что также было в случае с Хижиной, так что это не представляет большой угрозы).

Когда он входит в свою комнату, он включает свет и стоит у двери, рассматривая сцену. Это его кровать, его полки и книги, его компьютер. Но есть копия «Элегантной Вселенной», лежащая на его подушке, с листом ткани, развевающимся сверху, как поспешная закладка, и это как будто кто-то другой положил ее туда. Он помнит, как читал книгу; он даже помнит, как

оставил её на своей кровати перед отъездом в отпуск, но он все еще настолько охвачен сокрушительным чувством разобщенности, что с таким же успехом это один из бумажных клонов, мог быть тем кто положил её туда.

Чувствуя нечто близкое к панике, он сжимает кулак и надавливает им на левое бедро. Боль немедленная и сильная. Он надавливает на глубокий синяк, оставленный… ну, он на самом деле не знает, как это произошло. Когда дело доходит до травм, он избалован выбором. Но каков бы ни был его источник, синяк - доказательство. Он не сумасшедший. Его старый дом не может свести его с ума. Он просто возвращается к тому, как было, когда он уже не такой, каким был (или что-то в этом роде). С другой стороны, ему как бы хочется высунуть голову в окно и кричать, пока все не узнают, насколько они близки к Армагеддону. Так что, возможно , он всё- таки сумасшедший.

Он вздыхает и снимает шапку Венди со своей головы, возбужденно пробегая пальцами по волосам. "Давай, чувак, соберись!" - бормочет он. «Не разговаривать с собой было бы хорошим началом…»

Он куда-то переместился, и не физически. Комната, дом, тихая улица; он знает их всех, но они не его. Он провалился в зеркало. Его окружает призрак, который носил его одежду и жил в этом месте, ходил в школу, ел на кухне. В каждом углу есть воспоминания, привязанные к каждому объекту, но он не может прикоснуться к ним, как раньше. Он протягивает руку и обнаруживает, что его рука бесполезно проводит по пропасти между тем, где он был,и кем он был, и кем он стал, и разрыв связи оставляет что-то невыносимо тяжелое в его сердце.

Он падает на кровать и смотрит вверх, замечая плоское пространство выкрашенного в белый цвет гипсокартона вместо сводчатого потолка и деревянных балок, которых он ожидал. Он моргает. Он падает вверх; это похоже на головокружение. Он снова моргает. Он сжимает одеяло в руках, чтобы не упасть.

В какой-то момент он засыпает.

Он просыпается, когда его матрас опускается слева. За окном сквозь занавески светит луна, придавая им жуткую прозрачность. Мэйбл склонилась над ним, ее яркие карие глаза смотрели на пару черных бусинок. Он смотрит прямо в пухлое лицо Пухли, что на самом деле не является для него необычным пробуждением

«Пухля не успел пожелать спокойной ночи», - говорит ему Мэйбл и прижимает копыто свиньи к щеке Диппера.

Вид ее зубастой блестящей металлом улыбки успокаивает чувство в груди Диппера , о котором он даже не подозревал.

«Спокойной ночи, Пухля», - сонно говорит Диппер.

«Хрю хрю!» - говорит Мэйбл, помогая Пухле словесно, а затем удаляется в свою спальню.

Она на другом конце коридора, а он уже скучает по ней. Он привык к постоянным летним ночевкам. Он снимает шляпу Венди с матраса и подносит к тусклому свету из окна. Он внезапно боится, что больше никогда ее не увидит, хотя у него нет причин думать, что это правда. Он борется с безумным желанием бежать обратно на автобусную остановку и убедиться, что она там, где он ее оставил, что они все. Он хочет спать в своей кровати на чердаке. Он хочет спуститься вниз и сесть перед телевизором, где, вероятно, спит Дядя Стэн. Он хочет…

Он хочет, чтобы дедушка Форд заверил его, что он не в тюремном пузыре. Потому что он чувствует себя в таком. Потому что он чувствует, что в любой момент кто-то появится, чтобы заставить его увидеть реальность, и он будет смотреть в окно, чтобы увидеть мир в огне.

Он садится и смотрит на улицу. Улица ненадолго освещается, когда проезжают фары, затем остается только темнота и пригородный район, усеянный лужами уличных фонарей. Это тихий уголок города, где люди рано встают, а вечером возвращаются домой к своим домам, расположенным на отведенном им участке травы. Улицы становятся дорогами, становятся шоссе. Дистанционный шум транспорта постоянный и тихий.

"Ага!" Он разваливается и с большой силой прижимает ладони к глазам, как будто может вытолкнуть эти ощущения из головы. Что с ним не так? Он дома. Он в порядке.

Лето закончилось.

Его дверь снова открывается и выводит его из расстроенной задумчивости. Это Мэйбл, несущая Пухлю и охапку простыней. «Итак, Пухля и я разговаривали, - говорит она, кладя свинью ему на кровать, - и мы решили, что это идеальная ночь для ночевки!»

Диппер не может не улыбнуться. «Пухля, ты полон хороших идей», - говорит он свинье, стремясь освободить место.

«И оставшиеся спагетти!» Мэйбл игриво тыкает Пухлю в живот, пока свинья с кряхтением не переворачивается.

Диппер закрывает глаза, а она устраивается с Пухлей у изножья кровати. Он пытается точно вспомнить шум ветра в соснах, который так часто убаюкивал его. Это должно быть сработало, потому что это последнее, что он помнит.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/45509/1075853